

Валерий Лисицкий

Дно

Валерий Лисицкий

Дно

<https://litres.ru/74685648>

SelfPub; 2026

Аннотация

«— Спасёшь дитё — награжу. Не справишься — сама мне родишь.»

Знахарку Сороку среди ночи увозит на дно реки утопленник на тройке сомов: сам водяной зовёт её к роженице. Вот только «жена» водяного — Любава, соседка, что утонула прошлым летом, а ребёнок, которого она носит, зачат не от водяного. Сорока примет роды, не даст покойнице вскормить младенца и даст ему имя. И попытается обманом забрать ребёнка под солнце.

Но сумеет ли она вырваться из-под льда и вернуть ребёнка к людям — или дно заберёт своё... и даже больше?

Контент-ворнинг: телесная жуть, кровь, роды.

Валерий Лисицкий

Дно

Явился он в ночи, вынырнул на тройке из лютой метели, и с ходу грохнул кулаком по двери.

Сорока вздрогнула, едва не выронив пучок сухой травы, которую перебирала в свете лучины. Прикусила губу, глядя на дверь, ладонь прижала к боку печи-защитницы. От двери дало холодом, который ничего общего не имел с разыгравшейся снаружи метелью. Навий то был холод.

Стук повторился, и Сорока нехотя поднялась на ноги, по привычке спрятав пучок трав за широкий пояс — нельзя бросать работу, не будет силы в травах, лучше с собою таскать, покуда не появится время закончить. Ина стук нельзя не открывать. То есть, можно конечно... Если ты обычный человек. Или если не боишься, что накажут боги угасшим даром за то, что обет знахарский не соблюла. Можно было с этим не спешить, но совсем не открыть — нет, никак.

Сорока приблизилась к двери отчего-то крадучись, будто ещё таилась от того, кто пришёл к её порогу и принёс с собой холод Той стороны. Положила ладонь на доски и нахмурилась — на ладони осталась влага. Она приняхалась. Повисшие на коже капельки пахли тиной. Рыбой. И чем-то ещё, что она распознать не сумела.

Ждать третьего удара Сорока не стала, шагнула к двери

широко и размашисто, да распахнула её, даже не спросив, кто пожаловал. Есть ли разница, коли откроешь, хоть кто там стой?

Распахнула — и едва смогла не отшатнуться. Холод навалился резко, до самых костей пробрал, кольнул в сердце, заставив его удар пропустить... и отступил. Только приобнял за плечи напоследок, словно пообещал:

— Я тут буду, рядом. Ждать тебя буду.

Сорока передёрнула плечами и спросила строго, насколько позволяла дрожь, голос покидавшая в последнюю очередь:

— Кто пожаловал?

Незванник не сразу ответил. Сперва заворочался обрюзгой корягой, распространяя рыбный дух, раз-другой втянул запах избы ноздрями, и только потом пробулькал:

— Сороку зови, девка. Знахарку.

Сказала бы Сорока после, что и не подумала ответить, будто уехала Сорока, да не сказала, далеко ли и надолго ли — солгала бы. Конечно подумала. Но проглотила ложь, как горький настой, и ответила:

— Я Сорока. Чего надобно?

Гость снова завозился. Поглядел на неё сверху вниз глазами, спрятавшимися между кустистыми бровями и кудлатой бородой, и выдавил:

— Не брешешь? Больно молода ты.

Давали бы Сороке гривну всякий раз, как она это слышит

— была бы она уже богаче варяга Рёрика, далёкого северного князя. Так что подбоченилась она привычно, и глаза сощурила, как сотню раз прежде. И уверенность в голос вернулась, когда она процедила:

— Тебе чего надо, седины в косе и морщин на лице, или чтобы помогла?

— Лезь в сани. — коротко ответил незванник.

Развернувшись, он направился, переваливаясь с боку на бок, как вставшая на задние лапы лягушка, к тройке лошадей. Чёрные, как мокрая земля, они нетерпеливо рыли копытами землю и храпели, задирая верхнюю губу и выставя жёлтые зубы. Сорока поёжилась, встретившись взглядом с неживыми, застывшими глазами ближайшего к ней коня... и не шагнула через порог. Вместо этого уперла руки в одвершки, слева и справа от двери, и спросила громко:

— С чем помощи просишь, добрый человек?

Незванник тяжело вздохнул и повторил:

— В сани полезай!

И добавил тише:

— Невмоготу уже, уморишь...

Но Сорока только помотала головой:

— Как я узнаю, что мне с собою брать, если ты не говоришь ничего?

Гостю понадобилось несколько мгновений, чтобы обдумать сказанное. Мгновений, за которые Сорока успела надеяться, что он передумает тащить её с собой. Плюнет, да

умчится в метель, пропадёт туда же, откуда вылез.

Но незванник ответил:

— Жёнка у хозяина на сносях. Мучается.

И настал черёд Сороки вздыхать. Потому что она поняла, что не откажет.

Собралась быстро: на такие случаи любая правильная знахарка всегда готова подхватить узелок и помчаться. А Сорока была правильно знахаркой, наученной бабкой и горьким, обжигающим опытом. Прыгнула в сапоги, завернулась в кожу, сунула за пояс нож, а в узел — остро отточенный серп, подхватила вещи и выскочила из дома. Времени на всё ушло, сколько на три удара сердца нужно, не больше.

От саней разило так, что почти с ног шибало: грязью, гнилью, мутью... и чем-то сладким, таким, что на языке оседает и не позволяет ни о чём, кроме себя, думать. Не запах даже — запахок. Не мерзкий — мерзенький...

Но Сорока запрыгнула внутрь, не промедлив лишнего. Сама едва не прикрикнула на провожатого, что на козлы не торопился лезть, но тот вдруг скаканул, толкнувшись ногами, и одним прыжком влетел на сани. Напыжился, превратившись в шар, и издал свист такой пронзительный, что Сорока еле удержалась, чтобы не закричать от боли, впившейся в уши. А мертвоглазые кони понесли!

Не ездила Сорока так быстро ни до, ни после. Ветер свистел в ушах и упруго бил в лицо с такой силой, что казалось, будто кожа вот-вот лопнет, так что она прятала лицо под во-

ротом кожуха и кляла себя, что не догадалась ничего поверх накинуть. Хотя куда ещё-то, в три шубы кутаться?... Однако ж, пробирало... И далеко не сразу Сорока догадалась, что мороз никак с ветром не связан, морозили сами сани, морозил он, страшный, что на козлах уместился. Морозила её невозможность отказать в помощи. Много чего, но никак не зима и не ветер.

А потом её морозила вода.

Сани ухнули с крутого берегового склона резко вниз, лёд обиженно загудел под копытами мертвоглазых, и тройка, не замедляя хода, с налёта ворвалась в полынью, прорубленную в реке. Сорока ухватилась за борта саней, успела в последний раз схватить ртом воздух, а потом вокруг стала только ледяная тяжёлая тьма. Сдавила грудь, стиснула в объятиях, сжала и плюнула ею в непроглядную глубину.

Сорока зажмурилась и тоненько запищала. А страшный на козлах расхохотался. Топот копыт сменился низким, как басовитый голос, гудением и плеском. Не выдержав, Сорока открыла глаза... и замерла, не в силах ни понять, ни принять, что с нею происходило.

Сани мчались в водной толще, и теперь-то видно было, что никакие это не сани, а самая обычная, илом заросшая коряжина. Глаза коней оказались не мёртвыми, а рыбьими — а иных и быть не могло у тройки крупных, с того же ко-ня размером, сомов. Но во сто крат хуже был тот, кто ими правил.

Когда Сороке минуло шесть зим, видала она, как тянули мужики из пруда утопленника. Синего с зелёным цвета, склизкого, с раздувшимся непомерным брюхом. И только вспомнив об этом, она узнала запах, ударивший ей в нос, когда она открыла дверь. Разложение. Падаль. Гниль.

— Оборони, чур... — сорвалось с языка прежде, чем Сорока поняла, что говорит.

Коряга дрогнула, сомы рванули каждый в свою сторону, а покойник на козлах выгнул спину, словно хлестнула она его плёткой промеж лопаток! Выгнул спину, да зашипел, поводя плечами. Обернулся — и Сороку едва не вывернуло. А она то коней мертвоглазыми про себя звала...

— Яс-с-сык ш-ш-што помело! — прохрипел утопленник и сплюнул.

Слюна его, бело-жёлтая и густая, как гной, завертелась в густой полутьме, что заменяла тут воздух, и полетел в сторону Сороки, но она увернулась. А мертвец снова повернулся к ней спиной, ругаясь вполголоса и обзывая её дурной бабой.

Сорока пообещала себе, что впредь будет осторожнее.

Дно показалось впереди, похожее на заросшие чёрной травой холмы. Тут и там стояли, плавно шевеля листвой, кустарники водорослей. Между их веточек шмыгали туда и сюда серебристые рыбки. У Сороки перехватило дыхание, и она замерла, прижав ладонь к груди. Вроде бы и ясно, что только что говорила и дышала, а всё же...

— Дыши, не бойся! — пророкотал утопленник, под водой

ставший вдруг болтливый и злым. И добавил, глумясь: — Я не боюсь, дышу, хоть мне и не нужно уже!

И он снова захохотал.

Сорока ничего ему уже не ответила. Сомы плыли, уже почти скользя брюхами по дну, и ветви коряги, которую они оседлали, поднимали со дна чёрный ил, который взлетал, как лёгкая гарь над давно погасшим костром. Взлетал и кружился, не спеша оседать, ещё долго после того, как они промчались.

Но глядела Сорока не на это. Она глядела вперёд, туда, где медленно вырастал, словно рождаясь из донной грязи и ила, подводный терем... Если бы Сороку попросили его описать, она бы подумала мгновение и сказала бы: облей княжеские палаты грязью, да лей густо, чтоб только очертания остались, а ни резьбы, ни узоров не видать стало. И было бы это правдой, но и не правдой тоже.

Грязь была, это верно, но были ещё и сновавшие промеж деревянных подпорок диковинные рыбки, и цветущие прямо на стенах цветы, каких на земле не было и быть не могло, и переливающиеся перламутром распахнутые двустворчатые раковины, и ловящие редкие лучики света цветные камни, прилипшие к стенам — из них составлялись узоры, заменявшие подводным стенам резьбу и краски.

Он был уродлив, подводный этот терем. Но он был и прекрасен.

Сомы плавно замедлились, и возле самого крыльца утоп-

ленник ловко дёрнул верёвки, отпуская их. Рыбины умчались, счастливые, рыться тупомордыми головами в дне, отыскивая лакомства, а коряга-сани плавно легла на дно, чуть скосившись на правый бок.

— Добрались! — не без гордости булькнул утопленник.

Сорока подумала, что по местным подводным меркам он не иначе, как считается лихим и отважным ездоком: не побоялся и на поверхность выбраться, и сани к самому терему подвёл, и сомов, вон, ловко отпустил...

— Оробела?

Голос провожатого заставил Сороку вздрогнуть. Протараторив благодарность, она полезла прочь с коряги. Мертвец только фыркнул, глядя на неё, и отвернулся. А когда она оказалась на дне, бросил:

— В терем иди, там встретят.

Речное дно под ногами пружинило и мягко расползалось, норовя стянуть с ноги тёплый поршень, а то и вовсе засосать по колено, только зазевайся. Сорока шагнула раз, другой, и поняла, что начинает медленно заваливаться на бок. Вывернулась, выгнув спину, в другую сторону, взмахнула руками — и удержалась от падения. И послышалось ей, что утопленник разочарованно вздохнул, но когда она в его сторонуглянула, он уже тянул куда-то корягу, освобождая место перед теремом.

И Сорока напомнила себе, что не дивоваться её позвали. Дело у неё, у знахарки: баба на сносях.

Стоило вспомнить, кто она такая, как прибавилось разом и сил, и уверенности. Хозяин терема за нею прислал. Значит, без неё обойтись не может. А значит, и бояться нечего. До поры до времени по крайней мере...

Она только протянула руку постучать, поднявшись на крыльцо, как дверь распахнулась перед нею сама собой, как в сказке. Нутро терема пахло на неё холодом и тьмой ещё более густой, чем снаружи, но глаза привыкли за мгновение, и оказалось, что по стенам, сплетая тонкий узор, стелются дивные водоросли, источающие мягкий белый свет. Пшено при таком не переберёшь, но и лоб не раскровишь о неожиданно вынырнувший перед тобою угол.

Добрый знаком посчитала Сорока и то, что впустил её не ещё один утопленник. Она и сама не поняла, кто раскрыл перед нею двери. Не вонючий труп — и ладно!

Сорока поправила кожух, расправила плечи и пошла вперёд, через едва различимые сени. Науличная дверь у неё за спиной закрылась, мягко хлопнув, но от этого, против ожидания, словно стало даже светлее — водоросли на стенах разгорелись ярче. А всего через несколько шагов она уперлась в дверь, по краю оплетённую тем же свечением. И на этот раз ей пришлось толкнуть её самой, заходя в светлицу.

Света там, и правда, было больше. Куда как больше! Балки под потолком и стены густо оплетали те самые светящиеся водоросли, нитями тянущиеся друг к другу, и сияние их многократно усиливали камни, словно застрявшие между

брёвен, из которой сложено было жилище. Стояли столы, такие же, как и там, в мире под солнцем, и подпирали потолок толстые брёвна.

Но свету Сорока не обрадовалась. Потому что кроме столов, лавок и столбов она сумела разглядеть и хозяина подводного терема. Сумела разглядеть — и тут только поняла по-настоящему, где находится. И кто имеет над нею власть, хотя бы на правах хозяина дома, в котором она находилась. И то, что он был просителем...

Если совсем уж коротко, водяной походил на лягушку.

Но сказать так — всё одно, что сказать, будто медведь на человека походит, потому что на двух лапах бегать может. Взглянув на него, поняла Сорока, что ослепительна бывает не только красота. Уродство ослепляет не хуже. Взглянешь, вздрогнешь, отвернёшься... и не можешь вспомнить всего, только отдельные части: вот тебе кривой рог, вот налитый кровью глаз навывучку, вот жёлтый с зеленцой клык из-под нижней губы... а вот мужское его естество, чуть не до пола свисающее.

Раздался крик. Протяжный, но глухой, как сквозь пелену. Женский. Сорока вздрогнула, безошибочно отыскав взглядом нужную дверь, слева от хозяйского престола. Едва не сорвалась бегом: помогать! спасти! выхаживать!

Но остановил, придавив на месте, голос хозяина. Голос глубокий и низкий. Тяжёлый. Будто мешала баба густую закваску в кадке, и вырвался с её дна пузырь воздуха.

— Ты Сорока-знахарка?

Сорока сглотнула и поклонилась, поймав взгляд водяного и не глядя ниже его глаз:

— Я, добрый хозяин. Сорока-знахарка.

Водяной повёл плечом и сморщился, как будто слишком долгая фраза его утомила. Он склонил голову набок, как бывает, делают люди, любующиеся яркой безделушкой, и продолжил:

— Спасёшь жёнку с дитём — награжу. Не справишься — сама мне родишь.

Согласия он не ждал, решил всё сам, без её участия. Что она ему сделает тут, на дне? Сороку передёрнуло, но она лишь поджала побледневшие губы. Спорить тоже не стала. И когда хозяин махнул рукой, указывая на дверь, которую она и так угадала, — пошла туда решительно и твёрдо.

Пройти мимо клетки, где мучалась рожаница, Сорока не смогла бы, даже если б водяной не указывал: крики и стоны вели её вернее любых указаний...

Под водяной пеленой, под луной, или под солнцем — муки роженицы всюду одинаковы, и жёнка водяного страдала так же, как могла бы страдать баба в любой из окрестных деревень. И Сорока помогала ей так же, как помогала бы любой бабе.

Перво-наперво, даже не спрашиваясь и не называясь, она подняла водяниху с мягких перин, на которых та корчилась, лёжа на спине. Водяниха замотала было головой, рассыпая

по плечам и лицу длинные тёмные волосы, но Сорока прикрикнула:

— Неча, неча! Неча лежать, стоя рожать проще!

Та послушно уселась, обеими руками вцепившись в край тяжелой дубовой лавки, и задышала. Сороке раз довелось слышать, как дышит загнанная лошадь — и звук был точь-в-точь похож. Но она похвалила роженицу:

— Ай, красавица! Ай, умница! Сиди, сиди так!

Она говорила, а умелые руки раскладывали вокруг самое необходимое: серп, белоснежное полотенце с алой вышивкой, обереги из серебристого металла и тяжёлого чёрного дерева.

— Дыши, милая! Со мною дыши!

И Сорока выдохнула. И вдохнула. Выдохнула. И вдохнула. Покуда дышала — успела отмерять из тщательно закрытой крынки десять капель горького настоя со слабым запахом лаванды. Поглядела на роженицу, вспомнила, как болталось у водяного до самого пола почти... и добавила ещё пять. Без спросу положила руку водянике на лоб, задрала голову, смахивая с лица волосы. Вздрогнула, ни не промедлила ни мгновения. И снадобье влила роженице в рот без промедления, перехватила её, провела ладонью по горлу, понукая проглотить...

— Ты откуда здесь? — прошептала едва слышно, но ответа не дождалась.

И потому снова завела:

— Дыши-и-и, милая, дыши, во-о-от та-а-ак...

Водяниха дышала послушно, сидела подле лавки, рыдала, глотала слёзы. И совсем, совсем не узнавала Сороку. А ведь в соседних избах жили, покуда она не утопла прошлым летом! Выходит, не сама?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.